

«Парус» М. Ю. Лермонтова в армянских переводах

(для факультативных занятий)

М. В. ПЕТРОСЯН

Поэзия М. Ю. Лермонтова стала органической частью культуры армянского народа, оказала огромное воздействие на формирование новой армянской поэзии.¹ «Наша небогатая поэзия почти началась с Лермонтова», — отмечал рецензент журнала «Мурч», имея в виду великолепный перевод поэмы «Демон», осуществленный Садатяном в 1863 году.²

История переводов произведений М. Ю. Лермонтова на армянский язык насчитывает почти полутора столетний период и отличается активной интенсивностью. Она отмечалась в критике еще в конце прошлого века. Л. Манвелян по поводу пятидесятилетия со дня гибели поэта писал: «Можно даже сказать, что произведения ни одного русского писателя не переводились так много на армянский язык, как произведения Лермонтова».³ На это указывал в начале века и Ю. Веселовский в «Очер-

ках армянской литературы, истории и культуры»: «Среди тех поэтов, произведения которых до сих пор переводились на армянский язык, довольно видное место принадлежит Пушкину. Лермонтов еще больше полюбился армянам, и все его главные произведения, не исключая и «Героя нашего времени», существуют в армянском переводе».⁴

Многие произведения поэта уже в досоветский период существовали в армянской литературе в двух и более переводах. К поэзии М. Лермонтова обращались ведущие представители армянской классической (М. Налбандян, К. Патканян, А. Цатурян, И. Иоаннисиан, А. Исаакян, О. Туманян) и советской литературы (Е. Чаренц, Н. Зарян, А. Граши, П. Севак, С. Таронци, О. Шираз и другие). Накопленный ими огромный опыт до сих пор обобщен недостаточно, чувствуется настоятельная потребность тщательного анализа имеющихся переводов.

Благодатный материал для наблюдений дают армянские переводы одного из шедевров лермонтовской лирики — стихотворения «Парус». Выбор не случаен. Он определен значимостью места произведения в ху-

⁴ Веселовский Ю. Очерки армянской литературы, истории и культуры. Ереван, 1972. С. 346—347.

дожественном наследии Лермонтова. По яркости проявления «печати... духа» поэта эта лирическая миниатюра, как уже не раз отмечено исследователями, может служить эпиграфом к творчеству Лермонтова. Выбор определяется также многократностью обращения армянских переводчиков к лермонтовскому шедевру, что дает возможность для сравнений и обобщений. Впервые «Парус» на армянском языке прозвучал в конце 80-х годов прошлого столетия. Перевод, осуществленный К. Тадевосяном, был опубликован в издаваемом в Тифлисе ежемесячнике «Ахпюр» («Родник»). В дальнейшем в западноармянской печати («Аравелян мамул», «Базмавеп»), в издаваемых в Тифлисе, Нахичевани на Дону армянских периодических изданиях («Тараз», «Гахут») публикуются новые переводы лермонтовского стихотворения. В числе переводчиков — Ай-Армен, Г. Баласянц, О. Тер-Мартirosянц, К. Кушнерян, А. Цатурян, С. Бабиян. В советское время «Парус» привлек внимание многих видных поэтов и переводчиков: А. Граши, Г. Севака, В. Каренца, В. Геворкяна. Это поэты разного дарования, индивидуальности, опыта. Этим во многом объясняется неравноценность осуществленных ими переводов, хотя в значительной мере она определена и своеобразием стихотворения Лермонтова — произведения, заставляющего многие поколения читателей и исследователей размышлять над его «особым обаянием, неотразимым и таинственным» (В. Маркович).

Сложна, неоднозначна и неисчерпаема поэтическая мысль лермонтовской миниатюры. Долгое время она читалась как призыв к борьбе, к действию. Но этим не ограничивается смысл произведения. В нем во всей своей мощи выявилась «сокрушающая сила лермонтовского отрицания» (А. Жижина). В исследова-

ниях последних лет (отметим, что по стихотворению имеется большая литература) центральный образ стихотворения интерпретируется глубже и шире. А. Жижина в статье, посвященной «Парусу», отмечает: «Он (Парус — М. П.) вырастает до размеров колоссального обобщения, превращается в символ вечного стремления человечества вперед, к вечному идеалу».⁵ М. Гиришман характеризует лирического субъекта лермонтовского шедевра в состоянии «напряженной промежуточности между неискоренимым стремлением достичь недостижимое и столь же неуклонимым отвержением всего достигнутого и достигаемого»,⁶ видя смысловой центр стихотворения в стихии «абсолютной мятежности».

На неисчерпаемую многоплановость «Паруса» указывает и В. Маркович: «Мы не ошибемся, если скажем, что «Парус» у Лермонтова символизирует сильную и независимую личность, ее одиночество и трудности ее пути, ее неустанные поиски цели и смысла жизни. Однако, сказав, что «Парус» воплощает свободу и мятежность человеческого духа вообще, его вечную неудовлетворенность, его конфликт со всеми стихиями и законами бытия, мы не ошибемся тоже. Легко усмотреть в «Парусе» и оппозиционно-гражданский подтекст, он действительно здесь присутствует. Многие поколения русских читателей воспринимали символику «Паруса» как выражение революционных настроений и были правы... Можно предположить и другие интерпретации центрального образа. Но каждая такая

⁵ Жижина А. Д. «Парус». Стихотворение М. Ю. Лермонтова. // Литература в школе. 1974, № 5. С. 18.

⁶ Гиришман М. М. Анализ поэтических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. М., 1982. С. 81.

¹ Многочисленные проявления творческого влияния поэзии М. Ю. Лермонтова на армянскую поэзию стали предметом исследования армянских литературоведов. Они с достаточной полнотой освещаются в работах Э. Джрбашяна, Л. Мкртчяна, Г. Овна, К. Григоряна, Р. Татевосян, С. Дарояна и др.

² «Мурч», 1896, № 5, стр. 642 (на арм. языке).

³ «Мурч», 1891, № 6, стр. 768 (на арм. языке).

интерпретация, сформулированная как нечто жестко определенное и законченное, сузила бы живущий в «Парусе» нерасторжимо-сложный поэтический смысл. Все возможные значения фокусируются в теме романтического порыва к идеалу — порыва, ничем не ограниченного, устремленного в бесконечность».⁷

Смысловая многозначность, индизказательность произведения вытекает из системы его образов. Исследователями творчества Лермонтова уже отмечен тот факт, что в стихотворении преобладают традиционные образы, почти образные штампы. При этом в нем нет наиболее важных или менее существенных элементов, все элементы значимы равномерно, несут идейную нагрузку, которая обнаруживается в процессе их взаимодействия. Его активность обусловлена конструкцией лермонтовской миниатюры, когда в пределах малого стихового пространства многократно чередуются два пласта — пейзажный и медитативный, характеризующиеся различными типами образов: пластического в первом и экспрессивного во втором пласте (наблюдение В. М. Марковича).

Во взаимодействии раскрывают свою идейную значимость антонимы (ищет — кинул, буря — покой, ищет — бежит), определения (одинокий, далекий, родной), инверсионные конструкции, синтаксические параллели, вопросительные и восклицательные конструкции. Это традиционные стиховые элементы. Однако, как справедливо замечено исследователем стихотворения, они сочетаются таким образом, что «неожиданно обретают свежесть, их смысл углубляется и расширяется, образуется преображающая их природу новая художественная целост-

ность».⁸ В ней значимы и распределение различных грамматических категорий в рифме (определения — в первом катрене, глаголы — во втором, существительные — в третьем), и повторы (Увы, — он счастья не ищет. И не от счастья бежит! А он, мятежный, просит бури, Как будто в бурях есть покой!), акцентировка инверсией и др. Таков художественный мир «Паруса», сложный, многозначный, требующий от переводчика в поисках ключа к нему огромного мастерства. Лермонтовская миниатюра звучит так:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрытит..
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой..
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!⁹

В нашей работе мы рассматриваем следующие переводы «Паруса» на армянский язык:

- К. Тадевосяна** — «Ахпюр», 1888, № 5—6, с. 253.
Г. Баласянца — «Базмавеп», 1897, № 3, с. 363.
О. Тер-Мартirosянца — «Тараз», 1897, № 40, с. 631.
К. Кушнеряна — «Базмавеп», 1904, № 3, с. 149.
С. Бабиана — «Гахут», 1914, № 14 с. 212.
А. Цатуряна — Цатурян А. Стихотворения. Ереван, 1958, с. 321.
Г. Севака — «Советакан граканутюн», 1941, № 5—6, с. 31.
А. Граши — «Советакан граканутюн», 1964, № 10, с. 103.
В. Каренца — Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в III томах,

⁸ Там же, с. 123.

⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х тт. Т. I. М., 1983. С. 272.

т. I, Ереван, 1965, с. 174.

В. Геворкяна — Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Ереван, 1982, с. 156.

К большей части авторов дореволюционных переводов «Паруса» на армянский язык можно предъявить обвинение в искажении оригинала. Искажения имеют различный характер, в различной мере меняют черты лермонтовского шедевра. Есть переводы, своеобразно истолковывающие поэтическое содержание «Паруса». Сказанное в первую очередь относится к переводам Г. Баласянца и О. Тер-Мартirosянца.

Перевод О. Тер-Мартirosянца — ярчайший образец стилевого переосмысления подлинника. В переводе все изменено, начиная со строфики: вместо трехстрочной конструкции — сплошной 24-строчный текст, состоящий из сочетаний восьми- и семисложных силлабических стихов. Лидарный стиль оригинала заменен многословием, переводчик стремится определить почти каждое слово. Вот так звучит вторая строфа лермонтовского текста в переводе О. Тер-Мартirosянца:

Գուտակվում են ալիքները,
Խիստ սուրում է հեղ թամին:
Ավազ, նա բախտ չի որոնում,
Արվկում է կարմր երբը
Եվ ճանչում նա ուժգին:
Նա բավարար վիճակից.
Եվ գալրացած նա չի փախչում
Իրր դժգոհ իր բախտից:

Переводчик внес в текст четыре определения, излишние уточнения, и все это уводит перевод на значительное расстояние от оригинала. О. Тер-Мартirosянц попытался связать лермонтовский текст с армянской действительностью, заменив «край родной» оригинала «скорбной родиной» — образом, связанным в армянской поэзии с определенными историческими ассоциациями:

Սակայն ի՞նչ է նա որոնում
Այդ կողմերը հեռավոր,
Ի՞նչ է նա թողել գնում,
Հայրենիքը սգավոր:

Отметим, что это не единственный случай попытки арменизировать лермонтовский текст. Известно, что национальная акцентировка вносилась в переводы стихотворений Лермонтова и первыми переводчиками на армянский язык, в частности, К. Патканяном, Гасан-Джалаляном.

В переводе О. Тер-Мартirosянца приглушена основная мысль подлинника, выраженная в последней строфе. («В этой последней строфе заключен основной заряд всего стихотворения», — отмечает Э. Найдич).¹⁰ Оригинал утверждает идею вечного поиска, невозможность обретения спокойствия духа. В переводе же для лирического героя стихотворения обретение покоя возможно — возможно в самой буре:

Բայց նա մոլի, մոլի անվերջ
Փոթորիկ է որոնում,
Կարծես նույն այդ փոթորիկ մեջ
Անդրորոշյուն է գտնում:

Коренное переосмысление основной идеи стиха мы видим в переводе Г. Баласянца. Последняя строфа в переводе звучит:

Նրա ներքեց— ջուրն համատարած,
Վերեն— արևի ոսկի ճառագայթ,
Բայց նա խնդրում է մորիկ կատաղած՝
Կարծես նրա մեջ կայ «Հանգիստ» անխաթ...

Как видим, в переводе акцентировается понятие покоя. Выделение достигается графикой (кавычками, заглавной буквой), отсутствием повтора образа бури, наличием определения («неуязвимый»), интонацией (многоточие в конце строки). Это придает мистическую окраску стиху, что, вероятно, входило в творческий замысел автора перевода.

¹⁰ Найдич Э. М. Ю. Лермонтов. «Парус». В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 128.

⁷ Маркович В. М. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус». В кн.: Анализ одного стихотворения. Л., 1985. С. 127.

К. Тадевосяну и С. Бабяну удалось точнее сформулировать выраженную в заключительном двустишии поэтическую мысль.

Так звучала она в переводе К. Тадевосяна:

*Իսկ նա՛ անհանգիստ, մրրիկ է խնդրում,
Կարծես մրրկում կա՛յ հանգստութիւն:*

А так выглядят эти строки в переводе С. Бабяна:

*Իսկ նա խռովահոգ մրրիկ է հայցում,
Կարծես անդորր կա մրրիկի ծոցում:*

Несмотря на это, переводы нельзя назвать удачными. Очевидна поэтическая беспомощность переводчиков. Обратим внимание лишь на некоторые моменты. Вот первая строфа в переводе К. Тадевосяна:

*Կապուտակ ծովի մառախուղի մեջ
Մի առագաստ է միայնակ փայլում...
Ի՞նչ է նա փնտրում հեռու աշխարհում
Ի՞նչ է նա թողել մայրենի երկրում:*

На первый взгляд, в переводе очень многое совпадает с оригиналом: сохранены основные образы, синтаксические фигуры. Однако текст перевода лишь внешне напоминает подлинник. Для Лермонтова одиночество паруса — момент исключительной важности. Не случайно эпитет выделяется поэтом (расположением, инверсией и рифмой). Так же выделены в лермонтовском тексте определения «далекой» и «родном» — понятия для русского поэта синонимические, стоящие в одном ряду со словами «чужой», «отчужденный». В переводе же К. Тадевосяна эти значимые понятия, отодвинутые на второй план, потеряли свою многозначность, иносказательность, превратившись в простые определения. Обычной пейзажной зарисовкой предстает первая строфа лермонтовского стиха и в переводе С. Бабяна. Работа последнего положительно оценена в критической литературе. С. Даниелян в исследовании «Лермонтов и армянская культура» отмечает перевод «Пару-

са» как несомненную творческую удачу переводчика.¹¹ Оценка явно завышена. Вот зарисовка паруса в переводе С. Бабяна:

*Առագաստն է այն սպիտակին տալիս
Ծովի խառ մեղում մենակ հածելիս...
Ի՞նչ է փնտրում նա հեռու աշխարհում,
Ի՞նչ է թողել մայրենի երկրում:*

Налицо невнимание переводчика к центральным образам.

Неудача подстерегла и К. Кушнеряна — опытного переводчика, работы которого в целом оцениваются критикой высоко. В переводе К. Кушнеряна несколько упрощена мысль заключительного двустишия:

*Այլ նա կուզէ մրրկրկալից մի ծով խիստ,
Իրր թէ լինէր մրրկին մեջ յուրն հանգիստ:*

Мысль сведена к частному, конкретизирована (его покой), ослаблена иносказательность образов в антитезе «буря—покой» (бурливое море — покой). К переводу Кушнеряна относятся и замечания, сделанные нами по поводу предыдущих переводов и касающиеся таких важных понятий, как «далекий» и «родной». Они звучат нейтрально, так как не выделены. Нужно упрекнуть переводчика и в ослаблении антитезы второго катрена:

*Ո՛չ, ո՛չ, իրեն. նա չի փնտռել մի նոր բախտ,
Եվ չի խոսել բախտեն հեռու տարաշարտ:*

В оригинале строки исполнены иронии и горечи, звучат как афоризм, четко контрастны, и это благодаря и параллельности синтаксической конструкции, и лаконичности выражения, и такому емкому, многозначному междометию «увы», стоящему в начале двустишия и определяющему интонацию формулы, которая в переводе звучит в иной тональности, лишена сарказма, патетична.

¹¹ Даниелян С. Лермонтов и армянская культура. Ереван, 1960. С. 131 (на арм. яз.).

О неудаче рассмотренных нами переводов свидетельствует один красноречивый факт: отношение переводчиков к важнейшему в контексте стихотворения образу «мятежный», предельно точно определяющему состояние духа лирического героя стиха, человека и человечества в целом. Образ отражен лишь в переводе С. Бабяна. В переводах В. Баласянца и К. Кушнеряна образ не отражен, в переводе К. Тадевосяна передан определением «беспокойный», несомненно уступающим оригиналу. О. Тер-Мартirosянц пытается отразить образ, но найденное им соответствие (но он страстно, страстно...) лишь отдаленно напоминает оригинал.

Среди дореволюционных интерпретаций «Паруса» на армянском языке особняком стоит перевод А. Цатуряна. Переводческий опыт выдающегося поэта в достаточной мере изучен в критической литературе, выявлены его переводческие удаchi и неудачи.¹² Известно, что в переводческой деятельности Цатурян особое внимание уделял поэзии Лермонтова, которого «горячо любил...». Его деятельность направлялась и пониманием важности переводческой работы («такая работа могла способствовать и уточнению нашего вкуса, и развитию, облагораживанию нашего сердца и души»),¹³ и пониманием серьезности решаемых переводчиком задач («...это очень серьезная работа... и сразу нельзя перевести, тем более по заказу»).¹⁴ Высо-

ко оценивая поэзию Лермонтова («Когда переводишь его, он своим огромным талантом так давит на тебя, что можно расплющиться»),¹⁵ Цатурян верно воспринимал основные особенности мироощущения русского поэта. Знаменательно, что в характеристике Лермонтова армянский поэт использовал образную систему «Паруса». В письме к Ю. Веселовскому он писал: «Этот беспокойный, вечно томящийся дух, этот «одинокий парус» на море житейском, вечно и щущий бурю...» (курсив наш — М. П.).¹⁶ Мы не случайно выделили курсивом отдельные понятия в формулировке. Они точно определяют авторскую мысль «Паруса», которая, однако, в переводе выражена недостаточно четко.

В нем есть и другие неточности: отсутствует цветовая характеристика паруса, ослаблено звучание определений первого катрена. Вместе с тем следует подчеркнуть эмоциональную полноценность перевода, его живое дыхание, естественность выражения. Поэтому считаем необходимым процитировать цатуряновский перевод полностью:

*Մեզով պատած ծովի վերա կապուտակ
Առագաստն է ահա լողում մեն-մենակ...
Ի՞նչ է փնտրում նա այն հեռու վայրերում,
Ի՞նչ է թողել նա հայրենի աշխարհում:*

*Եվ խաղում են ալիքները հողմահար,
Կայմն է թեքվում ու ճնշում անբաղար...
Բայց նա, ավա՛ղ, ո՛չ բախտի է ման գալիս,
Ոչ էլ բախտից երես դարձնում, խուլս տալիս:*

*Նորա վերև— ոսկեհաճա՛նչ արեգակ,
Նորա ներքև— ջրերը լազո՛ւր ու հրատա՛կ.
Բայց նա խրոտով, փոթորիկ է փափազում,
Կարծես հանգիստ պահվա՛ծ լինի փոթորկում:*

По-разному подошли к своим переводческим задачам армянские советские переводчики. Переводы, вы-

¹⁵ Там же, с. 109.

¹⁶ Веселовский Ю. Очерки армянской литературы, истории и культуры, Ереван, 1972. С. 320.

¹² Феликян А. Александр Цатурян. Ереван, 1965 (на арм. яз.); Бежаниян А. Александр Цатурян. Ереван, 1960 (на арм. яз.); Некрасов и литература народов СССР. Ереван, 1972; Связи армянской литературы с литературами народов СССР, т. II, Ереван, 1981; Даниелян С. Лермонтов и армянская культура. Ереван, 1960 (на арм. яз.); Тадевосян Р. Лермонтов и армянская классическая поэзия. Ереван, 1981 и др.

¹³ Литературное наследство. Кн. I, Ереван, 1961. С. 52 (на арм. яз.).

¹⁴ Там же, с. 84.

полненные Г. Севаком, А. Граши, В. Каренцем, В. Геворкяном, определяются разной степенью близостью к лермонтовскому тексту. Сравнение переводов с подлинником обнаруживает следующую картину: переводчикам лучше удаются пейзажные зарисовки. Вот изображение паруса в переводах.

Г. Севака:

Լողորդում է մի մենիկ առազաստ
Սպիտակին տալիս լուրթ ծովի միջում...

А. Граши:

Ճերմակին է տալիս ահա մենավոր
առազաստը կապույտ ծովի մշուշում...

В. Каренца:

Մի առազաստ է լողում մենավոր
Կապույտակ ծովի մուգ մառախուղում...

В. Геворкяна:

Կապույտակ ծովի մառախուղում մենավոր
Մի սպիտակ առազաստ է փողփողում...

Видно, что переводчикам удалось сохранить цветковые характеристики пейзажа оригинала (в переводе В. Каренца — частично). Выразительно воссоздана в переводах картина бури, переводчики отразили глагольную динамику картины (а Г. Севак попытался воссоздать и слуховую примету).

Вот отрывки из переводов.

Г. Севака:

Սուլում է քամին, ջրերն են խայթում,
Կայքը խոնարհվում սուր ճանաչում...

А. Граши:

Ալիքներն են խաղում հողմի սուլի տակ
Եվ թեքվում է կայքը նավի, ճանշում,

В. Каренца:

Ջրերն են խայտում, ոռնում է քամին,
Թեքվում է կայքը հողմից ճանշում,

В. Геворкяна:

Ալիքներն են խաղում, սուլում է քամին,
Կայքն է տարտամ օրորումով ճանշում...

Менее удались переводчикам медитативные строки. В переводе Г. Севака неудача явно ощутима в двестишести первой строфы. Переводчик обеднил картину, заменив яркую антитезу оригинала обобщенными и нейтральными «вдалеке» и «на родине». Верному восприятию авторской мысли мешает введенное переводчиком наречие «зорко» (что ищет он вдалеке зорко), акцентирующее наше внимание на поисках лирического героя и отодвигающее на второй план момент его потерь. Строки маловыразительны, так как переводчику не удалось сохранить полный синтаксический параллелизм формулировок:

Ի՞նչ է որոնում նա հեռվում զգաստ,
Ի՞նչ է նա թողել իր հայրենիքում:

В переводе А. Граши обеднен лирический отзыв второго катрена. Переводчик повторяет междометие, дополняет текст образами, один из которых существенно искажает мысль оригинала:

Ավա՛ղ, ավա՛ղ, բախտ չի փնտրում նա անհագ
ու ոչ բախտից, հաճույքից է նա փախչում:

Введенное в последней строфе уточнение ослабляет напряженность душевного состояния героя, ограничивает сферу его неудовлетворенности, упрощает его отношения с миром.

Особого внимания требовало от переводчиков последнее двестишесте, как уже отмечено, итожащее развитие темы, заключающее основную идею лермонтовского стиха. Перед нами четыре решения.

Г. Севак:

Իսկ նա խոռվահույզ փնտրում է մըրրիկ,
Կարծես մըրրիկում կա ինչ-որ անդորր:

А. Граши:

Իսկ նա, վրդով, փոթորիկ է երազում,
Փոթորիկի մեջ կարծես հանգիստ կա խորին:

В. Каренц:

Իսկ նա, խոռվյալ, հողմ է երազում,
Կարծես հողմերում կգտնի հանգիստ:

В. Геворкян:

Բայց նա անձկավ թախանձում է փոթորիկ,
Հանգիստն ասես փոթորիկի մեջ է միայն:

Как видим, решения не равноценны. В переводе В. Геворкяна воспроизведена лишь часть основной идеи: герой может обрести покой — он обретает в буре. Этот перевод не отразил и состояние героя, его мятежный дух. Замена переводчиком образа «мятежный» образом «вожделенно» не оправдана, не компенсирует отсутствие оригинального.

Приблизительно и маловыразительно звучит двестишесте в переводах А. Граши, Г. Севака, В. Каренца.

Перевод В. Геворкяна — последний по времени создания. Если рассматривать геворкяновский перевод в отрыве от оригинала, сравнивая лишь с предыдущими переводами (в частности, с переводами Граши и Севака), то перед нами выделяющееся своей поэтической звучностью, полное пафоса произведение.

Կապույտ ծովի մառախուղում մենավոր
Մի սպիտակ առազաստ է փողփողում...
Ի՞նչ է փնտրում սփերում այս հեռավոր,
Ի՞նչ է ձգել հայրենական իր հողում...

Ալիքներն են խաղում, սուլում է քամին,

Կայքն է տարտամ օրորումով ճանշում...
Ո՛չ նա, ավաղ, բախտ է փնտրում, անհանգիստ,
Ո՛չ էլ գլուխն առած բախտից է փախչում...

Նրա ներքո ջուրն է, պայծառ լազուրից,
Շողողում է գլխին արփին ոսկեվառ...
Բայց նա անձկավ թախանձում է փոթորիկ,
Հանգիստն ասես փոթորիկի մեջ է միայն:

հայրենական,
արփին
անձկավ թախանձում),

Однако в соседстве с оригиналом в нем выявляется, кроме указанных недостатков, определенный налет книжности. Переводчик тяготеет к стилистически окрашенной лексике (сравним: родной — հայրենական, солнце — արփին просит — անձկավ թախանձում), и это переводит стихотворение в несколько иную тональность.

Такова история армянского «Паруса».

Анализ убеждает нас в том, что из существующих переводов ни один не может быть назван верным, представляющим лермонтовский шедевр в единстве формы и содержания.